

"Россия не может найти стимул развития в материальном изобилии. У нас нет другого выхода, как выработать мировоззрение, способное придать иной смысл человеческому существованию" — А.С. Паникин.

Я долго не мог ввязаться за перо после его неожиданной смерти — в 51 год, весёлый, жизнерадостный, спортивный, никогда не курил, не пил алкоголь, — так это меня ударило!.. Мало сказать, что его смерть меня потрясла, повергла в невесёлые мысли: неужели его ранняя внезапная кончина — только набрал высоту и расправил крылья! — была предопределена Всевышним? Нет, такого не может быть! Значит, это было нужно кому-то другому, кто-то спрятался за удобным врачебным термином: острая сердечная недостаточность!

Может, Александр Степанович Паникин, если отмести к сторону небезосновательные слухи о неслучайности его смерти, умер не от острой недостаточности сердца, а, наоборот, от его острой передостаточности, потому что он думал не только о себе, а может, и, прежде всего, не о себе? У врачей, к сожалению, нет такого диагноза и, соответственно, лекарств от этой болезни. Только встал человек на ноги, огляделся и начал работать: не на свой лишь живот, чем занималось большинство из зарождающегося тогда (В 90-е. — Ред.) класса предпринимателей, которых, не зная как назвать или, скорее, стремясь заранее извратить суть нарождающегося, а на самом деле, возрождающегося старого российского явления, называли "цеховиками", избегая опороченного большевиками доброго старинного русского слова "предприниматель", определяющего его нравственную и производственную суть. Это в то время, когда официальной государственной идеологией было: "Сначала думай о себе, а потом уж о Родине", — впрочем, о ней мошешь совсем не думать, всё само сложится. Только доказал, что нашу страну населяют не одни только дураки и международные воры, как подрубается он на корню. Нет, его не рас-

эти маски стоили весьма приличных денег, поскольку тогда были модным веянием в неприятзательном дизайне более чем скромного советского интерьера. Уже на втором курсе ездил на занятия в институт на собственных "Жигулях", вызывая зависть не только у студентов, но и у преподавателей, при мизерной студенческой стипендии в 20 рублей и средней зарплате по стране в 150 рублей.

Уровень экономического образования в ленинградском институте его не устраивал, и он, не собираясь становиться актёром, тем не менее чаще появлялся на занятиях актёрского отделения, может, не задумываясь о том, что это ему может пригодиться. Через год он перевёлся в московский ГИТИС, где в скором времени продолжил своё масочное предприятие, добавив к нему дешёвую бижу-териу. В 1976 году заработал на масках уже 25 тысяч рублей, тогда на них можно было купить несколько автомобилей "Волга", но личное обогащение его уже не интересовало. Паникин мечтал одеть страну — в первую очередь прекрасную её половину — в доступную и недорогую, а главное в красивую, прочную и удобную, разнообразную в цветовой гамме одежду. Он считал, что люди, переодевшись в такую одежду, начинают считать себя людьми, у них появляется чувство собственного достоинства, исчезает чувство зависти, они начинают жить более высоким.

В 1978 году он, как бы по распределению из театрального института, поступил на работу по специальности: главным администратором театра имени Ермоловой, параллельно ему удалось получить патент на

Я поднялся, взял раскалённую посудину и, обжигаясь, вытряхнул её в окно. Пепел чёрной пылью взметнулся вверх. Я не чувствовал ни облегчения, ни горечи. Ничего, кроме усталости. Пять лет жизни сгорели дотла...

В итоге "цеховика" Паникина и всю его команду арестовали на 4 дня. Но следователи на Петровке, 38 обвинения в ходу не могли предъявить, потому как улики в виде миллиона рублей не оставили после себя даже пепла... Потом визиты на Петровку, 38 и в другие подобные адреса стали привычным делом.

Параллельно, ещё не зная истории с Паникиным, пришёл платить налоги и даже партзносы в КПСС такой же начинающий предприниматель Артём Михайлович Тарасов, в будущем народный депутат РСФСР, депутат Государственной Думы РФ первого созыва (1994—1996), председатель Совета директоров созданного им "Института инноваций", разрабатывающего инновационные технологии реабилитации онкологических больных, которым он будет руководить до самой своей смерти в 2017 году. Он тоже напишет книгу о своих мытарствах в те годы: "Миллионер: исповедь первого капиталиста новой России". Он придёт платить партзноссы суммой в 90 тысяч рублей с дохода в 3 миллиона рублей и налог в 180 тысяч за бездетность (может, в борьбе за демографию нужно его снова ввести?). Здесь суммы были круче, чем у Паникина, соответственно, и обстоятельства складывались круче, уголовного статья в верхней планке тянула на смертную казнь, и он был вынужден бежать в Лондон, а кооператив его, разумеется, был уничтожен.

дов, тем более тех, которые начинали своё дело ещё полуподпольно при советской власти. Через год после ареста, в 1988 году, несмотря на все препоны, точнее, умело обходя их, порой дурача чиновников — не зря он всё-таки окончил театральный институт — Александр Паникин основал кооператив "Челнок" и наконец занялся непосредственным осуществлением своей мечты: стал, пусть в малых объёмах, производить женский трикотаж, с самого начала не похожий на бытующий тогда ширпотреб. Из этого скромного кооператива и вырос впоследствии его знаменитый концерн "Панинтер".

На Люсиновской улице в Москве в 1990 году он открыл свою первую фабрику, оборудованную уже 25-ю современными швейными машинками. Тогда же было положено начало массовому производству принципиально недорогой, но качественной и красивой, не уступающей лучшим зарубежным образцам женской и молодежной одежды. Чтобы обойти возникшие тогда многочисленные препоны при регистрации концерна, — другие те преграды преодолеть не смогли и зачалих, не хватило напористости, терпения, а главное, артистической фантазии Александра Паникина, — он поехал в Германию, воспользовавшись безвизовым тогда въездом для граждан СССР, и зарегистрировал там свою фирму, через которую создал совместное германо-российское предприятие в России, что было знаком того времени: легче было зарегистрировать фирму в Германии, чем в России, а совместные предприятия имели существенные льготы, в отличие от отечественных, как и возможность

красные флажки, которые расставляло тогда, как это ни горько, родное государство, попавшее в нечистоплотные руки...

Он был настоящим предпринимателем — в истинном, не оболганном значении этого слова, редким в то время, как белый олень в тундре. Александр Паникин обладал какой-то необыкновенной харизмой: человека и предпринимателя, что, впрочем, неразделимо, — которая одних тянула к нему, других, наоборот, настораживала, даже отталкивала.

Как всякий, к сожалению, и ныне редкий настоящий русский — а понятие "русский" для него было понятием не крови, но отношения к Державе, — он был азартен и нетерпелив, он хотел сразу всё: одеть и накормить народ, не только обустроить мир вокруг себя, но и облагородить всю Россию, притом строя нормальные экономические отношения с Западом. Лишь сегодня, наконец, когда, может, уже поздно, когда процесс умирания или преднамеренного уничтожения русского, российского народа принял угрожающий характер, власть пришла к простой истине, что стержень национальной идеи — это сохранение российского народа. Это значит, что надо в корне менять социальную-экономическую и, прежде всего, нравственную парадигму власти и общества.

Паникин пригласал задуматься над этим всех любящих Родину людей, во главе ставя не политику, а хозяйство, заботащееся о конкретном человеке. Девизом для себя он взял слова своего любимого писателя — Николая Василье-

дущего года... Мне интересен ваш уникальный опыт организации без помощи государства с нуля экспедиций по поиску пропавших полярных экспедиций и ваши спелеологические экспедиции. Хорошо бы, если бы мы в начале года, сразу после новогодней десятидневки, встретились... Впечатляет размах и широта вашего ежегодного Международного Аксаковского праздника. Сожалею, что не смогу быть на нынешнем, ибо в это время уезжаю по делам в Германию. Получил большое удовлетворение, прочитав ваши публикации. В наше время бездействия и общей апатии очень важно нахождение таких личностей, как вы, заряженных энергией".

Надо ли говорить, что это письмо было для меня большой духовной поддержкой, о чём он мог и не подозревать.

28 декабря, в самый канун 2002 года, он писал мне: "Получил ваше письмо и книгу, и ещё раз убедился, что идеи и мысли, выраженные в моих книгах, близки вам. Когда общество погружено в апатию и безразличие, каждый неравнодушный человек, обладающий потенциалом к действию и заинтересованный в возрождении страны, — росток надежды. Мне кажется, пришла пора подумать об объединении всех, кого по-настоящему беспокоит судьба Отечества. В сегодняшних условиях процесс собирания единомышленников достаточно труден — ограниченность материальных ресурсов у тех, кто ничего не украл и не близок к власти, создаёт свои сложности. Зато у нас есть нечто неизмеримо более ценное — внутренняя сила и свобода. Создание общественного движения, основанного на таких принципах, значительно более интересное предприятие, чем примитивное политиканство, имеющее своей целью власть и возможность распоряжаться материальными благами. Я был бы рад сотрудничеству с вами, для этого готов предложить конкретные варианты для совместной деятельности...

Я чувствую, что вы мужественный человек, который может "выплывать" из невзгод и в одиночку, но мне хотелось бы пожелать вам, чтобы рядом всегда были любимые люди и друзья! С Новым, 2002-м, годом! Крепкого вам здоровья и терпения. Жду встречи с вами! Храни вас Бог и всего вам доброго! С уважением А.С. Паникин".

Я получил это письмо, как оказалось, уже после его смерти. Не подозревая о беде, купил билет в Москву, благо у меня были в столице и другие дела. Только перед самым отлётом на всякий случай решил позвонить...

Ни одна общероссийская газета, ни один общероссийский телеканал, кроме московского, не сообщали о его смерти. Миллионы людей, в том числе носящих его добротный и дешёвый трикотаж, не узнали о его кончине. Родные и близкие Александра Степановича были убиты горем, над гробом шумно гудели (каждый — пытаясь записать его в соратники) жирные политические мухи, внутренне глубоко чуждые ему люди, в том числе: М.С. Горбачёв, А.Н. Яковлев... Потом что-то даже напишет, что он дружил с Горбачёвым. Мало того, их охрана долго не давала проститься с ним обычным людям, а потом уже по сценарию на это и не было времени. Россия, тогда по-прежнему живущая в Зазеркалье, кажется, принципиально не заметила смерти русского фабриканта и мыслителя Александра Степановича Паникина, словно его и не было.

Через год, прилётев в Москву, выходя из метро, на красочно оформленном здании магазина "Панинтер" не увижу его вывески, но внутрь загнать не решусь, предвидя, что там увижу. В другой прилёт всё-таки заглянул: там был сплошной китайский ширпотреб...

Татьяна Зенкина, личный секретарь Александра Степановича Паникина, его верный помощник, в письме:

"Выходные проводил на собственной даче под Клином, ни разу не выезжал за границу на отдых, отдыхал только в Сочи, из одежды предпочитал обычные джинсы и свитер. Он отдыхать вообще не любил и не умел. Построил дачу и — отдыхай! А он посмотрел — земля простаивает, рядом крестьяне, молоко некуда девать, построил молокозавод, оказалось — и себе, и людям в радость. Мало того, оказалось ко времени, издательство себя не окупает, молокозавод спас. У него так во всём было: что ни начинал, иногда вроде бы случайно, всё оказывалось к делу. В последние годы практически не занимался концерном, считая, что всё отлажено, мучился в поисках нового, новых людей. Писал письма, звонил... Писал новую книгу, мечтал сформулировать мировоззрение, которое выведет человека за рамки сугубо материального — без этого ему не подняться. Он нанял экономистов, с которыми пытался разобраться в различных экономических моделях хозяйства в разных странах. Много читал. Пытался разработать "нравственно-экономическую концепцию" будущей России... Осталась его неоконченная, больше набросками, рукопись, в которой, наверное, только сам он мог бы разобраться. Сырая, как он сам говорил. Торопился, сидел над ней не только по выходным, но и ночами... Не собирался умирать..." Наброски концепции заканчиваются такими словами:

"Не безудержное обогащение, а освождение творческих способностей человека — это энергия гигантской силы, способная повернуть движение нашей страны в новое русло".

Михаил ЧВАНОВ

Писатель и фабрикант А.С. Паникин

стреляли в подъезде, не взорвали миной в машине, что само по себе было бы страшно, но по тем, да и по нынешним временам привычно и понятно, — просто не выдержало, разорвалось сердце, а потому взорде бы никто, кроме него самого, в этом не виноват: не жалел себя.

Я ни разу с ним не встречался, но его неожиданная смерть стала для меня личным горем, невосполнимой потерей, потому что людей, подобных ему, тогда можно было по пальцам одной руки пересчитать: истинных предпринимателей, поставивших своё дело не на "купи-продай", не на воровстве, хитро названном приватизацией, — и не просто дело, а производство, давшее в то время страшной, казалось, безнадёжной государственной разруги миллионам людей принципиально дешёвую, добротную и красивую одежду, чтобы почувствовать себя в ней человеком, а тысячам — достойную работу.

Александр Степанович раздражал и тем, что в своих газетных и телевизионных интервью, он, человековой экономической формации, подвергал уничтожающей критике антинародные, антигосударственные реформы российского правительства, называясь МВФ (Международным валютным фондом) и прочими, стремящимися "облагодетельствовать" Россию сомнительными международными организациями. Он доказал, что наши, в том числе государственные и учёные, мужи способны жить собственным умом и собственным трудом, вместо того чтобы работать в ожидании жалких подачек международного авантюриста Сороса...

Родился Александр Степанович Паникин 19 марта 1950 года в Краснодаре, в 13 лет остался сиротой, рос у родственников в Волгограде. Отслужив в армии после неудачной попытки поступить в МГУ, некоторое время работал слесарем на красnodарском заводе "Ремтопдеталь", затем рабочим сцены Театра оперетты в Кемерове. В 1974 году поступил на факультет экономики и организации театрального дела в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. В это же время, угнетённый студенческой нищетой, занялся полупегальным частным предпринимательством по изготовлению так называемых индических и африканских масок из гипса. При копеечной себестоимости

индивидуальную трудовую деятельность, и на шесте подержанных зингеровских швейных машинок в съёмной арбатской квартире он основал производство шапок-"петушков", белья и футболок, а к концу 1987 года стал одним из первых полупегальныхных российских миллионеров.

Но, как говорили большевики в 30-е годы, наступил "год великого перелома", только теперь всё было наоборот. Считая себя добропорядочным и честным по отношению к государству и родному народу человеком, Александр Паникин пошёл платить налоги со всех своих доходов, но женщина в налоговой инспекции чуть не упала в обморок: "Да вы что, такая сумма?! Заплатите как бы со средней зарплаты по стране в 200 рублей, это разрешённый потолок, выше — уже преступление!" Слёзно упрашивала в отчёте указать, как она высказалась, "человеческие цифры". Паникин отказался. Напрасно он убеждал, что, наоборот: за неуплату реального налога ему грозит уголовная статья. Получалось, что и за уплату, и за неуплату — уголовная статья, только, может, сроки разные. Первый вызов на Петровку, 38 — следователи, по привычке имевшие дело с настоящими преступниками, явно сочувствовали, не знали, какую "пришить" статью. Отпустили под подписку о невыезде... Паникин понимал: надо срочно прятать улики, то есть деньги. Сыщики скоро опомнятся: допустили ошибку, слабину, которая им самим может выйти боком! Грозило крупное уголовное дело, до тюрьмы, может, и не дойдёт, но кто знает — может, в назиданье другим... Чуть успел добраться до съёмной квартиры — стук в дверь. Свою будущую книгу "Шестое доказательство" (Записки русского фабриканта)" он начнёт яркой красочной картиной: "Деньги горели ярко. Огонь не трещал, а бесшумно пожирал пачку за пачкой, быстро увеличивая слой пепла. В дверь квартиры непрерывно стучали. Телефон звонил не умолкая. Стало душно. Я открыл окно, и огонь разгорелся сильнее. Весенний воздух кружил голову. Внизу стояли милицейские машины. Игравшие во дворе дети столпились около них и, задрвав головы, смотрели на моё окно. Через несколько минут всё было кончено. Пепел, остывая, возлился и вздрагивал, как живой, в почерневшем тазу.

Но тянуло на Родину — через какое-то время он вернулся, и сидеть бы ему тихо, но до него дошли неясные сведения, что Горбачёв планирует поправить государственный бюджет тайной продажей 4-х островов Южных Курил за 200 миллиардов рублей. Будучи патриотом, до конца не выяснив, так ли это, но чтобы не опоздать и воспрепятствовать продаже, Тарасов распространил эти сведения по средствам массовой информации, по каким только смог, в том числе и по зарубежным. Скандал был великий, тут же последовал ряд официальных опровержений, Тарасова обвинили во лжи и завели против него уголовное дело по дискредитации президента СССР, и он вынужден был снова бежать в уже привычный Лондон. Потом говорили, что на самом деле такого плана по тайной продаже Курильских островов не было, Тарасов всё придумал. Выяснить не удалось, так было или не так, это уже не важно — важно было то, что в результате Южные Курилы остались российскими.

История со скандальными партзносами и налогами Паникина и Тарасова дала возможность власти на какое-то время расправиться с зарождающимся средним классом предпринимателей, было умело организованно всеосозное обсуждение вопроса в печати и на телевидении, на предпринимателей и на их кооперативы хитро было направлено возмущение обнищавшего и опущенного ниже плинтуса народа, виноватыми во всех грехах были объявлены эти проклятые кооперативы и их организаторы-хапуги, а как результат этой талантливо организованной вакханалии был принят так называемый Закон о кооперативах, как бы не запрещающий их — на это власть уже не решилась — а ограничивающий их деятельность до того, что делал её практически невозможной. Рекомендовалось создавать кооперативы при существующих государственных предприятиях, что делало их по замыслу лишь кормушкой для руководителей этих предприятий — при том что Минист "рекомендовал" производить кооперативам в день товаров не более чем... на 100 рублей! По сути, этот закон поставил крест на кооперативном движении.

Аресты и даже судимости — почти обязательный этап в жизни российских предпринимателей 80-х–90-х го-

конвертировать рубли. И в результате Паникин, запугав всем головы, заключил договор... с самим собой!

В 1991 году торговля "Панинтера" была переведена с лотов в киоски. Через десять лет Паникин решил и вовсе отказаться от мелкой розницы — в целях удержания бренда торговля была сосредоточена в фирменных магазинах и крупных киосках. Его концерн быстро набирал обороты, ставка на недорогую, но качественную одежду целиком оправдала себя.

После кризиса 1998 года, который он перенёс легче других, Александр Паникин полностью пересмотрел концепцию своего предприятия: не сокращая выпуск женской одежды, сосредоточился на выпуске молодёжной одежды во всех её ипостасях и был счастлив видеть на улицах Москвы и других городов, что молодёжь предпочитает его одежду самым модным и качественным зарубежным образцам.

В 2001 году он открыл в Москве на Кутузовском проспекте сразу же ставший знаменитым магазин "Панинтер", лицом которого стала его дочь Мария. Выручка в первый год превысила запланированную в 20 раз, он гордился тем, что чуть ли не 95% продукции реализуется уже на следующий день, такая в ней была потребность, но этого ему было мало.

Он открыл свой Дом моды, за благословлением пошёл к знаменитому русскому модельеру Вячеславу Зайцеву. Тот, поверив в Паникина, в его русскую душу, можно сказать, оторвал от сердца своего лучшего ученика, модельера Владимира Зубца. В результате Александр Паникин шёл не только впереди своих конкурентов, но и впереди моды, создавая всё новые и новые её образцы. Коллекции обновлялись не реже, чем два раза в год. Скоро его трикотаж продавался уже в 20 магазинах Москвы и в 30 представительствах по всей России. В Москве он стремился строить свои магазины около станций метро, чтобы их было удобно посещать приезжающим и прилетающим из других городов России.

Но не только трикотажем сыт человек. Он почувствовал себя ответственным и за порушенное сельское хозяйство. Началось, как бы с хобби — по крайней мере, он так говорил. Выкупив пустырь в 300 гектаров в 160 километрах от Москвы под Клином, построив там дом, Александр Степанович не смог жить там дачником, он расчистил лес и луга, часть распахал, построил молочный завод на самом современном оборудовании, стал выращивать кормовые травы, которые менял на молоко в соседних и ближайших колхозах, тем самым экономически подерживая их. Крестьяне окрестных деревень получили наконец возможность продавать молоко, а москвичи — покупать дешёвые и экологически чистые молочные продукты. И что оказалось поразительным для него самого: молокозавод, построенный им вроде бы как хобби, позже выручит его, когда во время очередной экономической передеряги в стране концерн "Панинтер" окажется на грани банкротства. В будущем он планировал заняться сельским хозяйством серьёзно, может быть, оставив производство трикотажа, где всё отлажено, на втором месте.

Как раз в это время им была написана книга "Шестое доказательство" (Записки русского фабриканта)", которую Паникин писал не в качестве хобби. Рассказав в ней о своём тернистом пути, он написал её для того, чтобы начинающие предприниматели знали: всё же можно проваться сквозь заградительные